

Актриса Кармен Маура — в интервью «Газете»

«Трудности способствуют хорошим шуткам»

За несколько дней до объявления лауреатов на Каннском фестивале фаворитом критиков является фильм Педро Альмодовара «Возвращение». Картина выходит на российские экраны в конце июня. Название фильма — знаковое, и не только в связи с его сюжетом: он знаменует возвращение в испанское кино Пенелопы Крус и возобновление сотрудничества испанского режиссера с его излюбленной актрисой Кармен Маура, которую наш зритель знает по картинам «Женщины на грани нервного срыва», «За что мне это», «Матадор», «Закон желаний» и другим. О работе с Педро Альмодоваром Кармен Маура рассказала в интервью корреспонденту «Газеты» Екатерине Чен.

До «Возвращения» вы не снимались у Альмодовара целых 17 лет: почему так долго?

О, я по этому поводу не беспокоилась. Я всегда знала, что мы еще поработаем вместе, что он припасет для меня какой-нибудь уникальный характер. Мы перезванивались на протяжении этих лет, не теряли друг друга из вида.

Как начиналось ваше совместное творчество?

Думаю, с самого начала было важно, что я верила в Педро, когда никто еще в него не верил. Тогда, в конце 1970-х, меня от-

говаривали с ним работать, говорили, что я испорчу себе карьеру. Но мне кажется, не стоит очень уж заботиться о карьере, никогда не знаешь, как все повернется.

Мы познакомились в театре во время работы над пьесой, где у меня была ведущая роль, а он говорил всего одну реплику. Но я увидела, что это самый интересный человек из всей труппы, и мы подружились. В это время Педро делал фильмы на 8-миллиметровой пленке и предложил поработать с ним. Это был очень маленький проект. Мы искали деньги, искали других актеров, у нас буквально ничего не было. Я работала на телевидении и в театре, чтобы получать деньги, а по выходным или ночами мы снимали фильм «Пепи, Люси, Бом и остальные девушки». Это длилось года полтора, за это время я несколько раз меняла прическу, и очень забавно видеть, как в одной сцене у меня длинные волосы, потом вдруг короткие, потом снова длинные... Кто-то покидал группу, и мало кто принимал фильм всерьез. Но мне казалось, у нас все получится.

И как же дебют Альмодовара восприняли критики?

Ну, он приобрел некоторую известность в Барселоне, в Каталонии. Но реакция была более чем сдержанная. В том числе и по поводу моей игры.

А теперь те же самые критики превозносят режиссера? Именно. Раньше он не нра-

вился, а теперь те же люди восторгаются им.

Сейчас в Каннах все только и говорят о том, что Педро Альмодовар получит «Золотую пальмовую ветвь».

Вот об этом говорить, думаю, опасно. Сколько раз и на этом фестивале, и на других призы получали совсем не фавориты. В жюри ведь тоже люди сидят, они слышат эти разговоры о «Золотой пальме» и думают: ну, все надеются, что этот фильм ее получит, он и так уже продан во все страны, значит, надо поддержать другой, поскромнее.

Как в 1999-м: все были уверены, что Альмодовар за «Все о моей матери» получит главную награду, а он получил только приз за режиссуру.

Да, он тогда очень рассчитывал на «Золотую пальму». Но жюри есть жюри, и предсказать его решение трудно. Даже если пальму тебе прочат все, на улицах, в отелях и ресторанах.

Стиль работы Педро Альмодовара как-то изменился за все эти годы?

По отношению ко мне — нет, с другими — да. Теперь он может позволить себе делать гораздо больше дублей, чем вначале, когда у него не было денег. Меня же как актрису он прекрасно знает, так что нам легче. Между нами происходит что-то, что трудно описать. У нас разное происхождение, образование, характеры, но мы как брат и сестра.

Foto: Reuters

Как складывается ваша жизнь в кино без Педро?

Совсем недавно я снялась во Франции, сыграла совершенно другую роль — преподавательницы математики, конфликтующей со студентами. Абсолютно другие условия: пять недель съемок вместо сорока, неустроенный быт — ни туалетов, ни еды нормальной. Но я люблю перемены. И трудности, знаете, способствуют хорошим шуткам.

Тяжело для вас было играть на чужом языке, в данном случае по-французски?

Трудно, хотя я свободно владею французским. Ведь простой перевод понятий в данном случае не решает дела. «Дерьмо» по-испански все-таки не то же самое, что «merde» по-французски, и «te quiero» отличается от «je t'aime». В повседневной жизни еще ладно, но вот играть с той же страстью на неродном языке очень тяжело. Я думаю по-испански, потом мысленно перелагаю это на французский. И если я злюсь, то тоже перехожу на испанский.

А почему в «Возвращении» ваша героиня притворяется русской беженкой?

Выходцы из России в Испании, прямо скажем, редкость. Никто не представляет, как они себя ведут, как выглядят. А это и требовалось моей героине, чтобы избежать лишних вопросов.

В фильме Альмодовара у вас внучка-подросток. Трудно вас представить бабушкой в реальной жизни.

Но я на самом деле бабушка, моей внучке Карле три с половиной года. Обожаю с ней играть, балую ее и очень ею горжусь. Она всегда узнает меня на экране.

А как вы себя чувствовали в роли мамы Пенелопы Крус?

Поскольку большую часть фильма я по сюжету скрываюсь от дочери, то совместных сцен с Пенелопой у нас в картине немного. Я узнала ее вначале как персонаж, а по-настоящему познакомилась уже после съемок. Она оказалась очень забавным и душевным человеком.

Вам не хотелось бы иметь такую же, как у Крус, голливудскую карьеру?

Я реалистка. Когда я начинала в ее возрасте, то предпочла карьеру в Испании. И теперь, когда я смотрю на все издержки, связанные со знаменитостью, — все эти телохранители и так далее, не знаю... Нет.

Вы пересматриваете ваши роли у Альмодовара в кино или на DVD?

Ой, нет. Разве что самый первый фильм, который для меня как документальный, как кусок жизни. Остальные видела, может, по разу, не больше. Я бы и с премьеры «Возвращения» сбежала, но не смогла: ведь рядом сидел Педро.